НОВЫЙ РОМАН ПО МИРУ БЕСТСЕЛЛЕРА
ПАВЛА КОРНЕВА И ВАСИЛИЯ ОРЕХОВА «МОРСКИЕ ТВАРИ»
ВЯЧЕСЛАВ ШАЛЫГИН
XXI ВЕК ЗВЕЗДА
ВЛАСТЬ БЕЗДНЫ
ЧТО СЛУЧИЛОСЬ С АМЕРИКОЙ? ОНА УТОНУЛА.

Вячеслав Владимирович Шалыгин

Власть бездны

Серия «Бездна XXI», книга 2

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=11642334
Власть бездны : [роман] / Вячеслав Шалыгин: АСТ; Москва; 2015
ISBN 978-5-17-090861-5

Аннотация

Ветеран гуманитарной миссии в Европе Егор Грачев не в состоянии найти себе места в мирной жизни современной России и отправляется контрактником в полуразрушенные атлантами Соединенные Штаты Америки. Вместе с ним в команду попадают его приятель Семен Пасюк, бандит и пройдоха, собирающийся наладить криминальные связи с коллегами в Новом Свете, и наемный убийца по кличке Сталин, преследующий Пасюка. Всем троим поневоле придется стать центральными фигурами секретного проекта «Зверобой», предназначенного для массового уничтожения атлантов. Новое оружие интересует слишком многих, и российские контрактники оказываются в смертельной опасности. Им приходится сражаться не только с инопланетными штурмовиками, но и с теми, кто жаждет получить хотя бы минимальную информацию о «Зверобое».

Содержание

Пролог 5
1 7
2 21
3 31
Конец ознакомительного фрагмента. 37

Вячеслав Шалыгин
Власть бездны

© Шалыгин В. В., 2015
© ООО «Издательство АСТ», 2015

* * *

Пролог

Большая черная машина подкатила прямо к трапу «Джамбо-джета». Ничего хорошего это событие не предвещало. И тот факт, что у машины самые обычные номера, но при этом глухая тонировка всех стекол, тоже тревожил. Но худшим из всех признаков следовало считать появление машины в самый последний момент, за пять минут до вылета чартера А-517 в заокеанские дали.

Пассажир из машины выбрался один и самостоятельно, водитель не бросился распахивать дверь и раскрывать над ним зонтик. Но это не умаляло достоинств гостя, вернее, его полномочий. Как не обманывала и его заурядная внешность.

Человек в черном плаще быстро поднялся по трапу и, будто бы не замечая никого вокруг, двинулся в сторону ещё одной лестницы, на второй этаж авиалайнера. Но в верхнем салоне «Боинга-747» человек тоже не задержался. Он прошел прямиком в кабину.

Командир воздушного судна встретил гостя настороженным взглядом. Человек в черном плаще вместо приветствия или объяснений показал пилоту служебное удостоверение и вручил гербовый пакет. Пока командир читал, гость терпеливо ждал, разглядывая интерьер кабины.

– Всё ясно, – командир отдал бумагу второму пилоту.

Тот пробежал взглядом по тексту и сложил документ обратно в конверт.

– Повторю ключевые моменты, – без особых интонаций сказал гость. – Операция «Зверобой» проводится Министерством обороны. На время полета борт полностью переходит в подчинение Главного разведуправления. Это значит, что никакие другие ведомства не могут вносить коррективы в ход операции. Пункт назначения, как видите, изменен, но формально вы по-прежнему вылетаете в Сиракьюс, штат Нью-Йорк. Курс вы смените только на последнем отрезке пути.

– Вы извините, это всё понятно, но… меня беспокоит пункт «сброс изделия». Как увязать ваши планы с безопасностью полета? Если вы заметили, мы на борту обычного самолета, а не бомбардировщика.

– Я это заметил, – гость сохранил непроницаемую маску. – На борту находятся наши специалисты. Сброс изделия на подлете к пункту назначения – их забота. Они уже решили технические задачи и проследят за тем, чтобы эта фаза операции прошла без сбоев и максимально безопасно. А увязан этот момент будет с выпуском шасси. Это всё, что вам нужно знать о технической стороне операции.

– Хочется верить, – проронил второй пилот. – Но всё-таки. Почему не использовали военный самолет? Или это нам тоже знать необязательно?

– В принципе – да. Но я отвечу. Во-первых, чтобы не привлекать внимание друзей-конкурентов китайцев. Во-вторых, чтобы не поднялся шум в мировой прессе, что мы проводим испытания секретных изделий почти на суше. На чужой суше. В-третьих, если что-то пойдёт не так, ваши пассажиры заменят подразделения, дислоцированные в заданном районе.

– В предписании сказано, что «Зверобой» это новое оружие исключительно против атлантов. Вы не уверены в этом? Он всё-таки может быть опасен и для людей?

– Пока неизвестно. Да, «Зверобой» должен убивать лишь тварей, но кто знает? Как говорят строители и лучники, «не стой под стрелой». Командование на месте получило приказ увести большую часть гарнизона подальше от района испытаний. Будем надеяться, уйти успеют все. И гражданские не станут артачиться, эвакуируются дисциплинированно.

– А если кто-то останется?

– Это будут их проблемы. Помните, в целях конспирации – никакой связи даже по шифрованным каналам.

– Всё ясно, сделаем, – подытожил командир.

– Удачи, – гость коротко кивнул и покинул кабину.

Чуть позже командир привстал и выглянул в иллюминатор, чтобы проводить взглядом отъезжающую черную машину, а второй пилот в это время украдкой достал смартфон, ткнул в зеленую иконку программы обмена сообщениями, быстро напечатал лишь одно слово и выключил телефон.

– Галифакс, – опустившись в кресло, проронил командир, будто бы каким-то невероятным образом читая отправленное вторым пилотом сообщение. – Ты бывал в Галифаксе?

– Нет. Разве он не утонул?

– Затоплен полностью. Но одноименный аэропорт уцелел. Ладно, Сережа, готовимся к взлету. Путь всё равно неблизкий. И, чувствую, непростой. Удача, как пожелал этот товарищ из ГРУ, нам наверняка пригодится.

1

Грачев

Дождь зарядил в ночь на воскресенье и монотонно барабанил по крышам вот уже трое суток. Под его унылый ритм как-то незаметно закончился сентябрь, а затем растворился в лужах и первый день октября. Утешало лишь то, что все три дня температура держалась в районе плюс пятнадцати и почти не было ветра. Вполне комфортная погода. Не хорошая, но и не плохая по нынешним временам. А что сыро… не страшно.

Где теперь вообще сухо? В аравийской пустыне? Да, если сравнивать с центром и востоком США. На самом деле теперь и в пустынях частенько идут дожди. Климат на Земле после Атлантического инцидента и Потопа изменился до неузнаваемости. Как и сама Земля.

Егор вздохнул. Он уже не помнил, что такое хорошая погода. Да и какой была Земля всего-то несколько лет назад, он помнил плохо. Нет, в целом студент Егор Грачев на память не жаловался. Память оставалась цепкой и вмещала приличные объемы информации. Вот только очень многое не хотелось вспоминать.

В шаге от дверей метро Егор встряхнул капюшон и скользнул взглядом по крупной наклейке справа от входа.

«Гуманитарная миссия – выбор неравнодушных» и телефон. А чуть ниже ещё один стикер – картинка в стиле плакатов столетней давности. Добродушного вида медведь с армейским жетоном на шее выхватывает буквально из-под носа у мерзкой зеленоватой твари мокрого белоголового орла. И тоже телефон.

Вся эта наглядная агитация считалась народным творчеством, но телефоны в ней указывались реальные. По первому номеру все желающие дозванивались в офис Федерального Гуманитарного агентства при МЧС, а по второму – в единую диспетчерскую службу военкоматов. И желающих, между прочим, находилось немало. Кому-то хотелось подзаработать, кого-то влекла романтика великой битвы за планету, а кто-то и впрямь был неравнодушен к постигшей полмира трагедии.

И те, и другие, и третьи имели все шансы получить желаемое. За службу в «мокрых точках» хорошо платили как бойцам МЧС, так и контрактникам. И мрачной романтики там было хоть отбавляй. А всевозможным служащим государственных и частных контор, занятым восстановлением порядка, расчисткой и строительством на полузатопленных территориях, ещё и выпадал шанс начать новую жизнь.

Поначалу этот шанс считался сомнительным призом, но постепенно общественное мнение стало меняться. Егор подозревал, что не без молчаливого согласия властей. Ведь сложно придумать лучший способ контролировать территорию, чем заселить её своими гражданами. Вон, китайцы давно это поняли и рассосались по всему миру задолго до Потопа.

В метро у Егора на миг возникла иллюзия, что ничего не изменилось. Те же эскалаторы, кафель, лампы, вагоны и сотни рекламных наклеек. Только народу поменьше, чем бывало прежде в это же время суток. Грачеву не просто удалось сесть, у него ещё и выбор имелся.

Егор уселся на короткий диван в конце вагона и достал телефон. Пятьдесят минут он мог с чистой совестью посвятить изучению новостей. Не очень-то хотелось, лучше бы подремать, но привычка – вторая натура.

Заставка на экране, как обычно, оказалась не той, что была вчера. Нет, телефон работал нормально, никакие вирусы в нем не хозяйничали. Это было делом шаловливых ручонок младшей сестры. Когда Егор приходил домой и валился без сил на кровать, Натаха обяза-

тельно забиралась в его телефон, играла и что-нибудь меняла. В последнее время почему-то повадилась ставить на заставку семейные фото.

Сегодня это был кадр полугодичной давности, Грачев как раз вернулся из армии. Мама, Егор в военной форме, две младшие сестры и братишка. Снимок сделала Танюшка, соседка и бывшая одноклассница, тайно вздыхавшая по Егору ещё с детского сада.

На фото Грачев выглядел таким же усталым, но более упитанным, чем сейчас. В остальном же он ничуть не изменился. Чернявый, голубоглазый, крепкий, хотя далеко не шкаф. По лицу видно, что неглупый, вероятно студент, и это была чистая правда. И то, и другое.

Да, в свои двадцать три, когда многие уже имеют диплом, Егор учился лишь на третьем курсе. Но на то имелась известная многим студентам причина. После Потопа отсрочки отменили и служить пришлось всем, даже ярым «косарям». Егор к таковым не относился, поэтому без проблем отслужил год срочной, а после ещё год по контракту в Европейской гуманитарной миссии.

Служба и контракт мало отличались по роду деятельности. Все два года Егор чистил от мусора братскую Германию. Ничего героического. Разве что пару раз видел атлантов на балтийском побережье, но стрельнуть по ним так и не получилось.

Возможно, такой шанс выпал бы чуть позже, ведь как раз к моменту увольнения Грачева начались стычки с тварями не только в американских болотах, но и на европейском берегу. Произошло такое лишь дважды, но прецедент, как говорится, был создан и закреплен. Однако Егор продлевать контракт не захотел, вернулся домой. Нет, конечно же, не потому, что испугался. По семейным обстоятельствам. Заболела мама. И поскольку отец загадочно пропал ещё до Потопа, забота о ней, двух младших сестрах и братишке теперь полностью лежала на плечах Егора.

Пришлось Грачеву перевестись на заочный и пойти на две работы: складским учетчиком на продбазу и дежурным санитаром в лагерь беженцев. Денег всё равно едва хватало, лекарства стоили дорого и были в дефиците, но что оставалось? Найти ещё одну работу? Попытка «поднять» хоть что-то в Сети провалилась, в новом мире этот вид заработка перестал приносить нормальный доход. Оставалась третья работа – суточное дежурство по выходным, но и с ней, похоже, не складывалось.

Сегодня Егор как раз возвращался после суток и ещё двух смен подряд. Едва живой. Продержаться в таком круговороте светило месяца два от силы. И тут не помогут никакие внутренний стержень и армейская закалка. Характер характером, а организм не обманешь.

Грачев поймал себя на том, что вновь тупо смотрит на погасший экран. Полистать новостные ленты ему никак не удавалось. Пробовал каждый день, уже из принципа, но не получилось ещё ни разу. Но и дремать он опасался. Провалишься, проспишь свою остановку, потеряешь время. А оно надо? Утром ведь снова на работу, а ещё позаниматься бы, учебники полистать. Хотя бы для очистки совести.

Егор сунул телефон в карман и окинул взглядом вошедших на очередной остановке. Народу прибыло, и пришлось подвинуться, чтобы рядом села пожилая женщина. Поезд в этот момент тронулся, и женщина неловко навалилась на Егора. Ничего страшного, но локтем она несильно двинула Грачеву в бок. И попала в то место, где до сих пор ныл один из трёх достаточно свежих шрамов. Один располагался на боку и два розовели на груди.

Егор поморщился, но не пикнул. Женщина заметила, что доставила соседу проблемы, и вопросительно взглянула на Егора. Тот слабо улыбнулся, покачал головой, «всё нормально», и уставился в окно межвагонной двери.

Ситуация со шрамами стала чем-то вроде иллюстрации спорного на первый взгляд утверждения, что память поддается настройке. Грачев точно знал, откуда взялись шрамы,

но категорически не хотел вспоминать об этом. То есть фактически получалось, что ничего не помнил. Такой вот парадокс.

Впрочем, ничего парадоксального. Егор никогда не врал маме, но отвечать ей, откуда взялись шрамы, не поворачивался язык. Зачем расстраивать, она и так болеет. Вот и убедил себя, что ничего не помнит. Да, получил в армии, но где и как, от чего – ноль. В памяти остались только бесконечные разборы завалов. Может, шрамы от производственной травмы? Мама поначалу не верила, но после поняла, что заставляет сына мучиться, и оставила эту тему в покое.

Боль отпустила в тот момент, когда затертый голос объявил, что следующая остановка как раз та, что нужна Егору. Спасибо пожилой соседке, уснуть и проехать мимо не получилось.

Грачев поднялся и заранее пошел к выходу. К двери была прилеплена необычная круглая наклейка с эмблемой строительной компании «Новый Свет». По кругу сверху шел лозунг: «Мы восстанавливаем будущее», а внизу, как всегда, значился телефон. Егор слышал, что в этой компании за один день вахты платят на порядок больше, чем он зарабатывал, убиваясь в три смены. Но, как и в остальных случаях, имелась проблема. Надо ехать за океан. То есть оказаться ещё дальше от семьи, чем Грачев находился во время службы. Такое вот принципиальное противоречие между возможностями и потребностями.

«На самом деле компромисс где-то рядом, я чувствую, – думал Егор, выруливая на дорожку от метро к дому, – но где он… не работает голова… пустая сейчас, как барабан!»

Егор свернул во двор и едва успел затормозить, чтобы не очутиться под колесами большой немецкой машины. Машина тоже затормозила, хотя и не с такой прытью, как Грачев. Авто выглядело подозрительно новым, но сидевший за рулем человек определенно не имел возможности купить его у официальных дилеров Калужского завода. Значит, этот «бумер» был хорошо восстановленным «утопленником» из Европы. Сомнительное приобретение, но лично Егору не светило даже такое. А за рулем между тем сидел его ровесник, самый известный в квартале жучила Сёма Пасюк.

– Грач, ты заснул на ходу, да?! – Семен опустил стекло и уставился на Егора с выражением крайнего недовольства на свиноподобной физиономии.

Грачев всегда удивлялся, насколько не подходит Пасюку фамилия. Будь он какой-нибудь Поросюк – дело другое, Семен с каждым годом всё больше походил на борова. А вот на крысу Сёма никак не тянул. Разве что был таким же подвижным, несмотря на комплекцию, и хитрым. День, когда Пасюк никого не обвел вокруг пальца, считался праздничным. Хотя бы по мелочи, но хитрил Сёма всегда и со всеми, даже с приятелями. За эту черту характера Пасюка не любили, но приходилось его терпеть. Всё-таки в одном дворе выросли, да и некоторые Сёмины связи оказывались полезны не только ему.

А ещё у этого борова был классный хлесткий удар. Зачастую это тоже играло свою роль. Но Грачев Сёму не боялся, на хитрости его не покупался, в бутылку не лез, поэтому Пасюк относился к Егору нейтрально.

– Хороший аппарат, – окинув взглядом машину, сказал Грачев. – Давно взял?

– Только сегодня, – Пасюк остался доволен реакцией приятеля. – Садись, пацан! Дядя Семен сегодня добрый, покатает!

– Дойду, – Егор усмехнулся.

– Садись, садись, – Сёма махнул, – потрещим пять минут, дело есть.

Грачев едва заметно поморщился, но спорить не стал. Он точно знал, что проще уделить Семену пять минут, чем отнекиваться.

В салоне машины пахло сыростью, и никакие «ёлочки-вонючки» побороть этот запах не могли. Хотя, возможно, Егору так только казалось. За время службы он выкопал из-под

ила и завалов сотни таких экипажей, и во всех пахло одинаково. А в некоторых ещё и мертвечиной. Вот и закрепился в памяти стереотип.

– Давай, коротко, – Егор потер глаза. – Сил нет. Двое суток подряд отпахал.

– Герой труда, – Пасюк ухмыльнулся. – Не надоело ухлёстываться? Ты в мае вернулся, да? Ну, и сколько заработал за полгода?

– Все мои. Тебе-то что?

– Мне больно и обидно смотреть, как мой лучший друг гробит себя задаром! – Пасюк переигрывал, но для него это было нормально. – Нет, хочешь убиться – как я могу возражать? Но сделай это за нормальные деньги. У тебя ведь четыре нахлебника на шее.

– Это не нахлебники, а семья, – Грачев взялся за ручку. – У тебя всё?

– Сиди ровно, – Пасюк чуть повысил голос. – Я дело предлагаю. Танька сказала, ты на лекарства для матери зарабатываешь. Я дам тебе денег. А хочешь, прямо лекарство подгоню. Не проблема. Слыхал про новейшие биопрепараты из требухи атлантов? Всё лечат на раз, от жопы до головы. Одна доза – и ура.

– И мне останется только отработать должок, – закончил Грачев. – В твоей мутной компании. Нет, Сёма, не пойдёт.

– Слышь, чел, за мутную компанию можно и в монитор схлопотать.

– Можно, – Егор кивнул. – Но без ответочки не останешься. Ты меня знаешь.

– Знаю, чувак! – Пасюк вдруг коротко рассмеялся и дружески толкнул Грачева в плечо. – Потому и предлагаю тебе дело. Ты парень надёжный, толковый, авторитетный тут у нас…

– Короче, – Егор поднял на Семена усталый взгляд. – Наркотой торговать не буду. Что еще?

– Бог с тобой, – Пасюк округлил глаза и перекрестился. – Ты за кого меня принимаешь? Ты не слушай моих конкурентов, они такого могут наговорить… уши в трубочку! У меня чистый бизнес. – Сёма чуть понизил голос. – Сырьё! Для тех самых биопрепаратов. Высушенные потроха атлантов. Отличная тема!

– А чего шепотом и почему объявление не дашь о приеме менеджеров по продажам?

– А ты не понимаешь? Такую золотую жилу и всем напоказ выставлять?!

– Препараты не испытаны, не сертифицированы и вообще ядовиты на самом деле, – Грачев вздохнул. – А вылечиваются больные временно. Или вообще не вылечиваются, а просто ходят до самой смерти под «неземным кайфом», поэтому у них ничего не болит. Схема понятна. Ответ – нет.

– Говорю же, толковый ты парень, Грач, – Пасюк удовлетворенно кивнул. – Далеко пойдёшь в нашем бизнесе.

– Домой пойду, – Егор открыл дверь и выбрался из машины.

– Всё равно ведь вернешься, – Семен подался к правой двери. – Биопрепараты реально лечат, просто пока нелегально приходится. Но учти, сейчас доза стоит дорого, зато доступна. А потом будет стоить вообще как самолет, и хрен купишь! И время упустишь, болезнь не будет ждать, когда ты созреешь!

– Сёма, отвяжись, – Егор махнул рукой.

Уловив, что Грачев не закрыл тему, Пасюк тут же выскочил из машины и нагнал приятеля у самой двери подъезда.

– Ты понимаешь, что это шанс? Реальный шанс и единственный, если задуматься! Ну достанешь ты денег на обычное лечение, надолго оно поможет? На год, на два? А биопрепараты с гарантией вылечат! Уже на столько раз всё проверено… замаешься считать!

– Я куплю у тебя лекарство, если так. Или сам достану.

– Купишь? – Семен расплылся в ухмылке. – Достанешь? Чтобы купить, тебе надо ещё год пахать, да в четыре смены! А достать… нет, можно достать… можно вообще забесплатно

достать. Только для этого тебе прямо в Америку надо. Там после удачной морской бомбардировки, говорят, биопрепараты на берегу валяются тоннами. Спросишь у местных, какой орган на засушку идёт, выпотрошишь десяток атлантов – и домой. Отличный план! У тебя с английским как? Бегло шпрехаешь?

– Шел бы ты… лесом, Сёма! – Егор открыл дверь. – Сам торгуй! Тебе же спокойнее будет. А то вдруг я, весь такой надежный и толковый, тебя подсижу? Не думал об этом?

– Меня подсидеть… седалища не хватит, – Сёма запнулся и чуть сбавил обороты. Вопрос Грачева явно стал для Пасюка неожиданным. Но последнее слово он оставил за собой. А как иначе? – Лады, Грач, подумай. Я ведь вижу, ты в сомненьях. На созвоне, если что…

…В квартире, как обычно пахло, сердечными каплями и жареной картошкой. Встретили Егора все, даже мама. Сегодня ей стало легче, и она появилась в коридоре, кутаясь в махровый халат. Улыбка на бледном лице была слабой, но это всё равно обнадеживало. Грачев обнял маму, девчонок и пожал руку Стасу. Младший брат относился к мужским ритуалам серьезно и категорически отвергал обнимашки.

За ужином состоялся традиционный обмен новостями, которых накопилось ровно по одной на каждого. Мама заверила, что чувствует себя хорошо, давление почти в норме, а Лелька посетовала на загруженность, «как будто мы не выпускники, а уже первокурсники». Наташа сообщила, что сфотографировалась на первый паспорт, а Стас заявил, что сегодня в садике было какое-то «пестирование» на готовность к школе.

Егору сказать было особо нечего, но отмалчиваться он не стал. Коротко доложил, что третья работа не такая уж сложная и в середине смены есть возможность часок покемарить. Этот момент особенно порадовал маму.

После ужина все разбрелись по комнатам и притихли, чтобы не мешать Егору, но сразу же упасть и уснуть Грачев не смог. Из головы не выходил разговор с Пасюком. Точнее, не сам разговор, а зерно истины, которое, как ни странно, в нем содержалось.

Сёму ничуть не интересовала судьба семьи Грачевых, но Пасюк был прав в одном – студенческие заработки Егора проблему решить не могли. Лёлька тоже подрабатывала, расклеивала стикеры, но и ей платили мало. По рублю за десять «пришлёпнутых», как она выражалась, картинок. Этого хватало лишь на хлеб и молоко. Теоретически Грачев мог устроиться куда-то на полный день и временно забыть об институте, но это было всё равно что поменять местами слагаемые. Результат для неквалифицированного работника будет тот же.

Егор уселся на кровати и уставился в темноту. Перед глазами возникло мамино лицо. Бледное, худое, с синими кругами под глазами. То, что ей якобы полегчало, не обманывало Грачева. Так уже бывало раза три или четыре. Бодрее она становилась накануне обострения. И это значило, что грядут крупные расходы. Первые два раза обошлись армейскими накоплениями Егора, в третий раз помогли друзья пропавшего отца, а в четвертый – пришлось брать кредит. Теперь деньги взять было негде, только у Семена.

«Или почку продать, – Егор невесело хмыкнул. – Принципы принципами, а жизнь, похоже, дожала. Как ни противно, выбора не осталось. Придется звонить Сёме».

Грачев пошарил по столу, но телефона не обнаружил. Его, пока Егор мылся, как обычно, стащила Натаха. Поиграть и поменять заставку. Егор тяжело поднялся и потопал в комнату к девчонкам.

В коридоре было темно, и Грачев наткнулся на тумбочку, с которой на пол, шурша листопадом, посыпались какие-то бумаги. Егор включил свет и обнаружил, что под ногами рассыпан ворох свежих наклеек. Видимо, завтрашняя рабочая норма Лёльки. Грачев собрал наклейки, сложил обратно на тумбочку и почему-то уткнулся взглядом в картинку, которая оказалась сверху.

Это была агитка от Министерства обороны. Не такая, как на дверях вестибюля метро, без сомнительных рисунков, строгая и с подробными разъяснениями. Не для романтиков, а для практиков. Если честно, Грачев впервые увидел такую листовку и немало удивился, когда прочитал.

Призывая заключить контракт, Министерство обороны не столько давило на священный долг любого человека противодействовать внеземной агрессии, сколько делало акцент на вполне практических деталях. Всем, кто запишется в заокеанские подразделения, предлагалась зарплата свыше десяти тысяч новых рублей с десятипроцентными надбавками за каждое очередное звание. Кроме того, гарантировалось содержание малолетних родственников и уход за родителями. Причем с базовым лечением. Что значит оговорка «базовое», Егор не понимал, но даже если она урезала затраты на лечение хотя бы на треть, уже хорошо.

Плюс ко всему контрактнику давалось право на трофеи. Какие трофеи можно взять с атлантов, Егор представлял себе ещё меньше, чем в случае с «базовым лечением». Но ведь недаром Сёма зарабатывал огромные деньги на высушенной требухе этих тварей. Может, имелось в виду что-то в этом роде? Или же в армии теперь было принято доплачивать за каждую убитую тварь? Это следовало выяснять на месте, в военкомате.

Отчасти такой сугубо меркантильный подход вызывал внутреннее возмущение – планета в опасности, а они о деньгах! – но в целом Грачев понимал, почему военные сменили тактику вербовки.

Человек ко всему привыкает. Привык он и к мысли, что мир теперь – вечная война. Звучит грустно, но так уж случилось, что поделать? Народ попривык жить в условиях позиционной войны с тварями, и чтобы поддерживать боеспособность, военным требовалось как-то стимулировать ротацию кадров. Тревожная музыка в новостях, трагические кадры и лозунги больше не действовали с прежней эффективностью. А вот конкретные предложения с цифрами – действовали. Грачев чувствовал это по себе. Особенно удачным в его острой ситуации выглядел пункт «аванс в размере полного месячного жалованья перечисляется в момент заключения контракта».

«Прямо-таки именно то, что надо, – Егор недоверчиво хмыкнул. – Вполне нормальная альтернатива Сёминой бригаде. Да, придется всё-таки бросить учебу и опять уехать. Компромисса не получится. Но тут уж не до компромиссов. Условия вдвое лучше, чем были в Германской миссии. И приписка – двадцатилетняя пенсия родне в размере зарплаты бойца в случае его подтвержденной гибели. Что ещё надо?»

Условия были действительно гораздо лучше, чем по контракту с гуманитарной миссией в Европе, поэтому Егор принял решение почти сразу. Он чувствовал, что это правильное решение. Или судьба.

«Мама расстроится, – Грачев ещё раз пробежал взглядом по тексту. – Но поймёт. Она всегда меня понимает».

Егор свернул наклейку и заглянул в комнату к девчонкам. Натаха в наушниках сидела за компьютером, поэтому не обернулась, а вот Лелька брата заметила и удивленно вскинула брови. Егор указал на свой телефон, затем поманил сестру за собой и вышел на кухню, прихватив по пути из куртки кошелек.

– Ты чего? – шепотом спросила сестра, когда вышли на кухню.

– Твоё? – Егор развернул наклейку.

– Моё.

– Откуда?

– Оттуда, – Лелька улыбнулась. – Только сегодня новая партия пришла. По рублю за каждый пришлёп и необязательно сто метров дистанции выдерживать. Хоть на каждом подъезде шлёпай. И отчет по скайпу. Мы там чуть не подрались за такой богатый заказ. С тебя, кстати, рубль. Помял всю.

– С меня вот это и это, – Егор положил на стол кошелек и телефон. – Себе оставляю паспорт и десятку на карманные расходы. Нет, двадцатку. Коды карточек ты знаешь.

– Егор! – Лелька вцепилась брату в руку. – Не надо!

– Надо, Оля, надо, – Грачев обнял сестру. – Нормальный шанс. Я всё равно не вписываюсь… тут. А так… будет польза… всем.

– А как же… мама?

– Там написано, что её будут лечить. Доплатите, если потребуется. Я все деньги на карту буду отправлять.

– А универ?

– Что, опять повторяют? Переживу. Я и раньше его не смотрел.

– Я не шучу! – Голос у Лельки дрогнул, и она шмыгнула носом.

– Плюс-минус год – не принципиально. И вообще, я могу прямо оттуда сессии сдавать. Заочное ведь.

– Не бросай нас, – Оля совсем раскисла. – Сначала отец, теперь ты… не надо!

– Я не бросаю. Просто уезжаю на заработки. Многие так живут, и ничего.

– Мы не какие-то там «многие»! Мы твои… мы…

– Вы справитесь, – Егор добавил в голос строгости. – Я знаю, ты серьёзнее меня. Ответственнее. Поэтому я тебе полностью доверяю. И ещё. Не говори пока никому. Хотя бы утром не говори. А вечером скажи, что я позвонил и поставил перед фактом.

– Телефон-то… вот, – Оля покосилась на стол.

– На него и позвонил с неизвестного номера.

– Оля… – послышалось из маминой комнаты. – Это ты там?

– Я, мам, – негромко отозвалась Лелька. – Принести что-нибудь?

– Водички, таблетку запить…

– Иди, – Егор выпустил сестру. – И молчок. Уговор?

– Неправильно это, – Оля удрученно вздохнула. – Попрощаться надо.

– Долгие проводы – лишние слезы, – у Егора защемило в груди, но вида он не подал. – Утром попрощаемся. Как обычно, до вечера. Так будет лучше.

* * *

Мама всё-таки что-то заподозрила, поэтому утром провожала Егора слишком долго. Она рассеянно ходила по кухне, пытаясь собрать пакет с бутербродами, негромко рассуждала, что две смены и суточное дежурство это слишком тяжело, и всё время косилась на сумку в руке у Егора. Сегодня сумка была толще обычного. Грачев сунул в неё свитер, термобелье и побросал необходимые мелочи. Но про сумку мама ничего так и не сказала. Будто бы раскусила замысел сына, но всё равно подыграла.

Егор для вида засуетился и сказал, что такими темпами опоздает, но на большее его не хватило. Труднее всего было заставить себя посмотреть в глаза. Не только маме. Даже Стасу, который бросил «пока» и вприпрыжку поскакал за Натахой по маршруту дом – детсад – школа. Лёлька ушла раньше всех, чтобы успеть расклеить свои листовки.

– Постарайся не задерживаться, – привычно сказала мама, когда Егор был уже на пороге.

– Постараюсь, – Грачев обнял её и чмокнул в щеку. – Пока.

Так быстро он не спускался по лестнице даже в сопливом детстве, когда дурная энергия несла, как на крыльях…

…Эмоций оказалось настолько много и бурлили они настолько сильно, что Егор пришел в себя, только когда очутился на указанной в агитке станции метро. Найти сборный

пункт оказалось нетрудно, он располагался прямо у вестибюля, но выглядел вовсе не так, как ожидал Грачев. Он-то думал, это будет военкомат, а это оказался обычный торговый центр. Просто весь второй этаж теперь занимали многочисленные конторы, ориентированные на вербовку граждан.

Самые крупные «офисы полного цикла» здесь имели Минобороны и МЧС. Зато все прочие конторы привлекали яркой наглядной агитацией и разнообразием вариантов трудоустройства. Чем-то всё это походило на ярмарку туристических компаний в конце нулевых – начале десятых годов, когда народ ещё пользовался «пакетными» турами.

Новый бизнес был не таким благостным, реклама обещала трудности, а не развлечения, но технологии в нем использовались примерно те же. Народ организованно увозился за тридевять земель, устраивался на некое место временного проживания и по истечении срока контракта привозился обратно. Разве что вместо втюхивания ненужных экскурсий «туристам» навязывались якобы необходимые каждому страховки от всех бед, снаряжение, непромокаемые книжки «по выживанию» и бытовые мелочи.

В некоторых агентствах условия работы предлагались и на самом деле неплохие, да и зарплата привлекала, но Егор притормозил только у офиса вербовщиков МЧС. Грачеву показалось, что в глубине зала мелькнула знакомая упитанная фигура. Пока Егор присматривался, фигура куда-то исчезла. Грачев проронил: «Нет, не может быть, просто показалось» – и двинулся дальше. Все посторонние предложения имели свои плюсы, но даже на фоне огромного минуса – непосредственного участия в боевых действиях – наживка Минобороны выглядела самой жирной. В первую очередь за счет соцпакета и гарантий родственникам.

Больше Егор не сомневался и не притормаживал, ни в прямом, ни в переносном смысле. Через десять минут он уже сидел в медицинском кабинете «филиала военкомата» со жгутом на руке – военные медики настояли на анализе крови. А через неполный час Егор покончил с обязательными процедурами и расположился за столом напротив подтянутого деловитого майора. Грачеву оставалось лишь заполнить бланки. Дело было несложное, к тому же Егору охотно помогали сам «военком» и его красивая, как с рекламы, белокурая помощница с погонами лейтенанта.

– Личное дело, – девушка-лейтенант положила на стол майору прозрачную папку со свежей распечаткой.

Видимо, файл вербовщикам скинули из настоящего военкомата, где Егор стоял на учете. Но читать с монитора майор не захотел. Грачев знал, что это болезнь многих канцелярских службистов, поэтому не удивился. Бумаги в стране никогда не жалели.

– Хорошо, – майор для вида перелистал дело и кивнул. – Вводи данные в машину.

Девушка отошла в сторонку, к длинной стойке с непонятной аппаратурой, и принялась колдовать над каким-то агрегатом, по виду – навороченным принтером. Майор поднял взгляд на Грачева.

– Всё заполнил?

– Вроде бы всё, – Егор подвинул бумагу по столу.

– Эту колонку тоже надо заполнить, – майор вернул Егору бланк.

– Особые пожелания? – Грачев усмехнулся. – Завещание, что ли?

– Читать умеешь? – Военком постучал карандашом по бланку. – Особые пожелания. Черным по белому. Заполняй.

– Насчёт денег можно… пожелать?

– Об этом чаще всего и пишут, – военком кивнул. – Только четко указывай, какой банк, какой вклад или хотя бы под какие проценты. Плюс-минус…

– А Центральный военный госпиталь можно указать?

– В смысле? – Майор удивленно вскинул бровь.

– Пусть зарплату туда перечисляют и маму лечат. Не в «базовом» объеме, а по полной программе.

– Вообще-то у нас и базовый объем… теперь не в каждой Швеции такой объем предоставляется.

– Всё равно, пусть ещё лучше лечат. А когда вылечат, пусть ей на счёт всё капает. Ну и похоронную пенсию, если не вернусь, тоже… в таком же режиме.

– А себе что?

– Себе? – Грачев пожал плечами. – Трофеи. Или что там… Да сам-то я разберусь.

– Хм, – майор потер шею. – Ну, так и пиши. Пятьдесят процентов всех положенных выплат на счет матери, а половину на счет клиники, по профилю её заболевания. ЦКВГ не обещаю, но больничку найдём приличную. По выздоровлении – всё на счет матери. А если не выздоровеет, извини за такой вопрос?

– Лёльке, старшей из сестер. Ей скоро восемнадцать.

– Ясно. Только не «Лёльке» пиши, а по полной форме. Грачевой… Ольге, да? Ольге Андреевне.

Военком снова потер шею, будто бы ему стало душно. Когда Егор закончил, майор взял бланк, вложил его в папку и ещё раз перелистал личное дело Грачева, теперь с заметно большим интересом. На третьей странице военком вдруг замер и внимательно прочитал всё, что там было написано.

– Вот оно как, – проронил майор едва слышно. – Чистильщик.

– Что?

– В Европейской гуманитарной миссии, говорю, служил?

– Ну да, то есть так точно. Бремен, Гамбург, Любек. А какие проблемы?

– Никаких, – как-то очень уж поспешно согласился офицер. – В братской Европе ты всё повидал, полетишь за океан. И не возражай, инструкция.

– Не собирался возражать. Так и хотел. Где атлантов побольше.

– Соскучился? – Военком взглянул на Грачева как-то странно, настороженно-иронично.

– Наоборот. На Балтике их почти не видел.

– Да? – Военком на миг замер, как бы не понимая, шутит Егор или говорит серьезно.

– Пару раз всего. Издалека.

– В Америке увидишь, – майор почему-то резко посуровел и кивнул помощнице.

Она достала из необычного принтера пару армейских жетонов, из ящика – шнурок с держателем для жетонов, а из третьего аппарата на длинной стойке вынула пластиковую карточку – удостоверение контрактника. Сложив всё на стол, она вернулась на место. Майор сгреб всё в кучу и вручил Егору.

– Команда «А-517». Можешь идти.

– Кабинет десять, старший команды лейтенант Кириченко, – подсказала девушка-кадровик. – Направо по коридору.

– Спасибо, – Егор улыбнулся ей и вышел…

…Несколько секунд в кабинете царила тишина. Майор задумчиво смотрел на папку с личным делом Грачева, а девушка-лейтенант терпеливо ждала команды пригласить следующего. Но военком почему-то медлил.

– Странный парень, – наконец проронил майор негромко. – Я по глазам видел, что он не врёт и не красуется, как многие ветераны.

– Может, он и впрямь не видел атлантов? У европейских берегов они пока редко появляются. Три-четыре случая всего официально подтверждено.

– Появляются редко, – военком кивнул. – Но метко. Из тех трех-четырех случаев два были такие, что волосы дыбом. В Новом Голландском заливе, на том месте, где прежде Амстердам стоял, атланты мясорубку устроили – последние европейские вооруженные силы уничтожили подчистую.

– Это ведь ещё в самом начале было, после цунами. Когда волна ушла, там всё подсохло достаточно быстро… ну, кроме Голландии. С тех пор атланты массово на берег только в Америке вылезают. Или ошибаюсь?

– Любек, ровно год назад… – майор на миг зажмурился. – Я ведь тоже там был. Страшно вспомнить, что там творилось!

– Тогда с парнем всё понятно. Такое бывает. Посттравматическая амнезия. Она необязательно от удара в голову наступает. Бывают случаи, что от психологической травмы часть памяти блокируется. Может, у него как раз такой случай?

– Всё может быть, – военком бросил папку в общую стопку. – Команда сформирована. Отправляй.

Девушка-лейтенант вспорхнула со своего места, взяла документы и вопросительно посмотрела на майора из-под челки.

– Сразу в отдел выплат заглянуть?

– Да, – военком вздохнул. – Чем раньше поставим на очередь, тем лучше. Ты же знаешь, какая загрузка. Иногда кажется, что это не отдел выплат пособий родне, а касса метро «Павелецкая» десятилетней давности. Очереди в километр. Только не живые, а бумажные… из похоронок.

* * *

Егор за всю жизнь летал раз десять. В принципе немало. Но ни разу он не летал на таком огромном самолете. Кресла по десять в ряд, два этажа, плюс огромный трюм – это всё выглядело круто. И народу набилось – мама не горюй. А ведь в трюме у воздушного судна ещё и лежали вещи, оружие, снаряжение. И какой-то странный «гроб на колесиках» закатили в хвостовой отсек. Здоровенный такой ящик. Как для слона. Вылет задержали как раз из-за проверок крепления этой штуковины. И вот со всей этой нагрузкой самолету предстояло взлететь и без посадок домчаться до города Сиракьюс в штате Нью-Йорк.

Впрочем, летчики, судя по их бравому виду, насчёт взлета и воздушного рывка через полмира не переживали. Волновала их только посадка. Это Грачев уловил из короткого разговора между пилотами, когда они поднимались в кабину. Егору досталось место как раз неподалеку от лестницы на второй этаж. По словам пилотов, обстановка в пункте назначения была сложная, метеоусловия непредсказуемые, а уцелевшая посадочная полоса «впритык», чуть длиннее трех километров.

В понимании Егора «впритык» это был не худший вариант, поэтому он выкинул из головы всё лишнее. Помогли в этом отцы-командиры. Когда личный состав разместился в первом салоне, офицеры устроили сначала поверку, а затем что-то вроде осмотра и беглого знакомства с бойцами наспех сформированного подразделения.

Первым делом офицеры безошибочно вычислили всех, кто отслужил срочную или уже не первый день отрабатывал контракт. Таковых оказалось довольно много, почти половина, и этот факт заметно поднял настроение офицерам. Они быстро пересадили новобранцев так, чтобы рядом оказался кто-то из «старослужащих», и приказали ветеранам «прокачать молодых бойцов насколько хватит сил». На вопрос солидного сержанта, будет ли общий инструктаж, один из офицеров ответил, что всё будет, но при личном общении с наставниками информация обычно доходит лучше.

Под «опекой» Грачева оказались сразу два пацана. Что им рассказывать, Егор не знал, хоть убей. Какие-то армейские азы? Как вести себя в боевой обстановке? Сколько звездочек на погонах у капитана? Никакой системы в голове не было, ведь Грачев не имел квалификации даже сержанта учебки, а весь его «боевой» опыт сводился к отточенному до автоматизма выполнению двух команд: «бери больше» и «кидай дальше». Пока летит – отдыхай.

Выручил Егора всё тот же солидный дядька-сержант Прохоров. Увидев, что Грачев в замешательстве, ветеран (а он оказался настоящим ветераном, участником двух ещё допотопных и трех «мокрых» заварушек) приказал Егору передислоцироваться на пятое кресло в ряду, а сам занял место номер три, у левого прохода. Таким образом, сержанту внимали, раскрыв рты, и подопечные Егора, и собственный ученик ветерана. Главное, всем четверым «прокачка» нравилась, а Грачеву не пришлось краснеть оттого, что наставник из него, как из соломы матрас – формально изделие штатное, но по функциям очень условное.

Егор и сам был не прочь почерпнуть полезные сведения из богатого опыта сержанта Прохорова, но сосредоточиться удалось не сразу. Егора отвлекло прибытие ещё двух групп пассажиров. Сначала на борт поднялись бойцы в черной униформе с золотыми «семерками» на шевронах, а за ними потянулись спасатели, которых рассадили в хвостовой части самолета.

Через полчаса после того, как все разместились, самолет вырулил на взлетную полосу, а через час от прежней жизни остались одни воспоминания. Да и те вскоре утонули в неторопливом течении новых дел.

В полете дел было немного, но главное армейское правило «видишь бойца – озадачь» работало и здесь. Причем офицеры распространили его не только на своих солдат, но и на бойцов МЧС, а также на охранников. Озадачили, конечно, не работой, а теоретической подготовкой, зато всех сразу. В этом офицерам помогли мониторы в спинках кресел и система громкой связи.

После стандартных полетных процедур вроде инструктажа по использованию спасжилетов и раздачи завтраков (а по-военному – приема пищи) включилась бортовая «радионяня», через которую один из офицеров принялся читать лекцию «о международном положении, особенностях пострадавших территорий и кодексе поведения бойца-миротворца». На мониторах в это же время шла подробная «презентация». Все примеры иллюстрировались фотографиями, схемами и таблицами. То есть даже те, кто не слушал бубнёж лектора, свою дозу информации получали. Ведь кроме как на экран пялиться было некуда, а посторонние разговоры вести почти не с кем. Подразделения комплектовались в последний момент, знакомцев было пока маловато. Оставалась разве что беседа с наставниками, но этот вариант был ничем не лучше прослушивания лекции.

У Грачева, правда, всё же имелся запасной вариант – Пасюк. Но, во#первых, меняться местами пока никто не разрешал, а, во#вторых, трепаться с Сёмой ему не хотелось. Короче говоря, Егор смежил веки и занялся любимым солдатским делом – дремать и слушать командира одновременно.

– До начала двадцатых считалось, что мир изменчив в деталях, но в целом стабилен, – формулировал офицер-лектор неплохо, но заходил слишком уж издалека. – Что существующую цивилизацию нельзя перекроить в одночасье и даже большие войны не рушат мировой порядок, а только меняют местами камни в его основе. Всё это было верно до тех пор, пока не случилось то, что мрачные романтики назвали Возвращением Атлантиды, а официальные лица – Атлантическим инцидентом. Гигантский, размером с Мадагаскар астероид Эпиорнис вынырнул из космической бездны и устремился к Земле…

– Я тогда чуть не обделался от страха, – негромко проронил рыжеволосый сосед Егора справа. – А сеструха в депресняке вены порезала, еле спасли.

Егор вспомнил те жуткие дни ожидания мировой катастрофы и невольно поёжился. Напряжение в мире было такое, что, казалось, из всех искры сыпались. Но при этом за неделю, говорят, не было сделано ни одного выстрела. Нигде! Ни одной доказанной насильственной смерти во всем мире!

Грачеву в это слабо верилось, но в Сети легенда стала хитом. Если так оно и было, это следовало считать самым выдающимся отрезком мировой истории. Правда, трупов набралось всё равно предостаточно – уровень самоубийств подскочил на небывалые высоты. Природа человеческая неисправима, без жертв люди жить не умеют. Не другими жертвуют, так собой.

Грачев вздохнул и вернулся к прослушиванию лекции.

– Чтобы избежать катастрофы, астероид следовало разрушить. И тогда крупные мировые державы нацелили свои арсеналы на космического гостя. Но вдруг астероид начал маневрировать, не оставляя сомнений, что им управляют разумные существа. Ни одна из супердержав не решилась нанести удар, опасаясь спровоцировать войну с могущественным инопланетным противником. И это стало главным просчётом в истории человечества.

Практически не потеряв массы при прохождении атмосферы, астероид рухнул в Атлантический океан. Поднятое ударом гигантское цунами разрушило Восточное побережье Северной Америки, а также половину Европы и запад Африки.

Ученые вскоре выяснили, что астероид был не только кораблем пришельцев. Он оказался ещё и гигантским существом-маткой. При падении матка разрушилась, но не погибла. Из клочьев ее активной органики сформировались тела инопланетных монстров, которые начали планомерный захват водного пространства Земли. В первую очередь – Атлантики.

Уцелевшие эскадры и флоты попытались этому помешать, но сделали только хуже. Обнаружив, что на планете существует разумная жизнь, чужаки принялись яростно атаковать корабли в открытом море и в портах, а затем нанесли ещё более сокрушительный, чем Первая Волна, коварный удар. И нанесли его прицельно, по самому сильному в военном плане, а потому наиболее опасному из очагов сопротивления – по США.

Технология этого удара нам до сих пор непонятна, но последствия широко известны. Восток и центр Североной Америки, вплоть до Скалистых гор, вдруг оказались частично затоплены, а местами даже опустились на несколько метров ниже уровня моря. И это позволило противнику перенести боевые действия на образовавшееся мелководье и в соленые болота, которыми стали полузатопленные американские территории.

Пришельцы выиграли новый раунд, но люди не сдались и продолжили сопротивление даже на заболоченных территориях США, Мексики и Канады. Вдоль береговой линии, а также на многочисленных внутренних соленых озерах и топях разворачивались настоящие битвы с инопланетными тварями, прозванными с чьей-то легкой руки «атлантами». Люди уничтожали пришельцев из всех видов оружия, а те давили массой и пожирали людей, чтобы очень быстро восстановить свою численность и снова атаковать.

Естественно, уцелевшим гражданам затопленных стран не хватало сил, чтобы сдерживать натиск чудовищ. Но выжившим пришли на помощь те, кому повезло не увидеть цунами, Потопа и прочих эпизодов первого акта мировой трагедии.

Для пострадавшей от цунами Европы, а также Канады и части США к северу от сороковой параллели спасителями стали бывшие заклятые враги из России. Остальным штатам и Мексике помощь пришла из Поднебесной. А пострадавшим территориям Южной Америки и Африки помогли Индия, Австралия, Арабский союз и другие уцелевшие страны.

Силы российского МЧС и его иностранных аналогов сумели справиться с гуманитарной катастрофой и предотвратить крупные аварии на уцелевших промышленных и военных объектах, а войска взяли на себя основную тяжесть противостояния с «атлантами»…

– Во чешет, – зевая, сказал рыжий сосед Егора. – Историк, блин. Лучше сказал бы, чего дальше ждать? Что другие места тоже утонут, как Америка? Или что твари на сушу вылезут?

Офицер будто бы услышал вопросы бойца.

– …К сожалению, в какой-то момент стало ясно, что Атлантическая катастрофа, Потоп и последовавшая гуманитарная трагедия стали только началом кризиса, который полностью разрушил прежний мировой порядок и заставил выживших людей приступить к строительству нового мира, целиком и полностью мобилизованного на борьбу с инопланетным врагом…

– Эт точно, – проронил боец. – Все теперь под ружьём, даже старики, дети и умалишенные. Сеструха моя, которая вены резала, сама в дурдоме год работает, санитаркой. Туда каждый второй по возвращении из-за океана попадает. Насмотрятся реальных жутиков, и в лучшем случае – ночными кошмарами маются, а в худшем… вообще на стены лезут. Но через месяц их всех выпинывают из богадельни, и опять в болота. Такой вот круговорот получается, добровольно-принудительный. В контракте ведь только про ранения пункты есть, про сдвиги по фазе ничего не сказано.

– …На данный момент Земля фактически поделена между людьми и чужаками. Люди владеют сушей и пресными водоемами, а пришельцы оккупировали моря и океаны. И как-то изменить эту ситуацию не получается ни у нас, ни у них. Конфликт вошел в позиционную фазу, и для победы требуется принципиально новая стратегия. Чтобы её разработать, мы накапливаем опыт и без устали ищем новые военные решения. Но не отстают и атланты. Это следует отчетливо понимать.

Первоначально чужаки быстро адаптировались к той среде, в которую упал Эпиорнис. Очутившись в океане, атланты стали грозными морскими хищниками сотен разных видов и форм. Возможно, это их естественный облик, и как раз поэтому пришельцы не испытали проблем с первичной трансформацией – из ошметков корабля-матки в отдельных существ. Однако осознав, что люди не уступят моря и океаны без боя, инопланетяне поняли, что придется выбираться на сушу и решать проблему в корне. Тогда-то они и начали приспосабливаться к жизни на воздухе, постепенно превращаясь в аналоги амфибий, а с недавних пор – и вовсе в подобие двоякодышащих людей. Происходит это не прямо на глазах, как в случае с первичной трансформацией, но всё равно невероятно быстро – за считаные месяцы…

– И когда они окончательно приспособятся к суше, нам пиндык, – подытожил сосед Егора. – Зашибенская перспектива. «Позитивная», хоть вешайся.

– …Но пока атланты не накопили достаточно сил для сухопутных операций, а мы не нашли Оружие Победы, на всех фронтах сохраняется шаткое равновесие. А на полузатопленных территориях в Новом Свете сформировался и теперь утрясается новый жизненный уклад: диковатый, если сравнивать с прежней жизнью, но предельно рациональный в условиях прифронтового хаоса. Именно в эти героические места направляются наши подразделения. Нам придется работать в сложных условиях и плечом к плечу с непростыми людьми, с новоиспеченными американскими следопытами, рейнджерами и скаутами…

– С ними поработаешь, – рыжий скептически хмыкнул. – Они во всех, кто не говорит по-английски, сразу стреляют. И по фиг им, человек ты или атлант.

Егор хотел уже попросить рыжего заткнуться, но тот сделал это сам. Ещё раз зевнул, отвернулся и засопел. Грачев какое-то время слушал лекцию, но затем тоже задремал. Последнее, что он запомнил, было подтверждение пункта прибытия: США, штат Нью-Йорк, город Сиракьюс.

«На берегу знаменитого озера Онтарио, – подумалось Грачеву. – Думал ли я в детстве, читая Купера, что увижу места, где якобы бродил Зверобой? Там всё изменилось. С одной стороны теперь соленые болота вместо лесов, а с другой – озеро разлилось, но всё равно ведь интересно. Зверобой… трава такая… зверобой…»

Егор провалился в сон, но застрявшее словечко никуда не делось. Его будто бы кто-то повторял над самым ухом, пока Грачев дремал. И когда Егор проснулся, первой мыслью была как раз та, с которой он засыпал. «Зверобой – трава или герой книги?» Глупый вопрос? Вроде бы да, но… на самом деле Егору так не казалось. Даже наоборот, на каком-то глубинном уровне у него отложилась уверенность, что это очень важное слово и в будущем оно непременно пригодится.

Грачев спросонок потянулся и бросил взгляд по сторонам. Почти все вокруг спали. Кроме рыжего и ещё одного бойца справа. Они где-то бродили. Кажется, огненная шевелюра соседа-скептика отсвечивала рядом с туалетом.

Егор тоже собрался встать, размяться, но не успел. На свободное место справа вдруг плюхнулся… боец отряда МЧС Семен Пасюк! Собственной персоной.

2
Пасюк

Не родись красивым, а родись активным. В эту формулу Семен Пасюк уверовал давно и прочно. Больше она, конечно, подходила девчонкам, но в определенных случаях годилась и парням. На фоне того же Грачева подвижный сбитень Сёма не смотрелся вообще. Фигура пирожковая, морда сальная, вечно красные глазенки в бегах, манер никаких. Зато он был при делах и в шоколаде, а красавчик Егорка изнурял себя тяжелой работой. Да ещё забивал голову сентиментальной чушью.

Надо же, пропадут без него родные! А когда он себя в гроб загонит, они не пропадут? Лох! Смазливый, неглупый, но полный лох! И чего Танька по нему мокнет? Он же ещё лет пятнадцать будет в обносках ходить. Какая из него партия?

Другое дело – Семен! Да, не красавец, зато деловой, активный, предприимчивый. Любая краля за таким, как за стеной. Не за каменной, это верно, но ведь всё равно за стеной, а не за красивой шторкой. Дуры бабы, не видят сразу выгоды, а потом волосы рвут, да поздно метаться: дети, быт, морщины.

Всё это промелькнуло в голове у Семена, пока за Егором закрывалась дверь подъезда. Когда же дверь захлопнулась, Пасюк просто выкинул лишнее из головы. Согласится Грачев работать на Сёму или нет, было вопросом десятым. У Пасюка хватало помощников. Нет, Егорка стоил двух, а то и трех, но насильно тянуть его в бизнес не имело смысла. Через силу не работник. Вот когда сам захочет, другое дело. Придет, попросится, а Сёма припомнит ему упрямство, да и вычтет пару червонцев из первой получки. Вот это будет красиво.

Но пока у Семена имелись дела поважнее подбора новых кадров. Ровно через час ему предстояла встреча. Очень важная встреча. Можно сказать, экзамен на деловую зрелость. От результатов зависело расположение к Семену самого Барона.

Пасюк давно работал на Барона, поднимался по карьерной лестнице с самых низов, как в свое время и сам хозяин. Но хоть какое-то расположение Сёма заработал буквально пару месяцев назад. Барон пригласил Пасюка на одну из вечеринок, а затем взял с собой на две ответственные встречи с очень серьезными людьми.

Но этот авторитетнейший человек, главный поставщик «атлантического сырья» и других интересных, но нелегальных товаров из Штатов, лучший друг мафиозных боссов сухого побережья и крупных торгашей из американских топей, этот главный претендент на высшие деловые позиции в Москве впервые доверял Пасюку лично вести ответственные переговоры.

На горизонте определенно маячила новая, ещё более шикарная жизнь! И тут уж, кровь из носу…

Семен сел в машину и шумно выдохнул. Ехать до места встречи было от силы пять минут, и это скорее огорчало, чем радовало. Хотелось уже поехать, но заранее приезжать считалось несолидно. А как чесалось рвануть прямо сейчас! Но нельзя. Вот Семену и приходилось чем-то себя занимать. Сначала он нарезал круги по двору, потом трепался с Грачевым, а теперь вот просто пыхтел и глазел по сторонам, привыкая заодно к сиденью новой машины.

Стрелка часов мучительно медленно доползла до отметки в минус десять минут от расчетного времени, и Пасюк всё-таки не выдержал, вдавил кнопку запуска двигателя.

Стартер отработал насколько смог, но машина не завелась. Пасюк сначала похолодел, а затем резко вспотел. Если эта «утопленница» не заведется, случится страшное!

Семен снова нажал кнопку. Машина не проснулась. Новая жизнь, вместо того чтобы радостно маячить на горизонте, похоже, начинала корячиться, сползая в ближайшую выгребную яму.

Пасюк потихоньку застонал и в третий раз вдавил кнопку. Завелась!

Семен некрасиво, зато от души хрюкнул и вырулил из двора. Начало новой жизни получилось нервным, но ведь не сорвалось. А народные приметы, типа «какое начало, такое и дело», это всё глупости. Даже если дело окажется нервным, Сёме это было поровну. Он и так жил на нервах, в постоянном движении. Не привыкать.

Как и планировалось, дорога заняла пять минут, поэтому Пасюку пришлось объехать нужный квартал по кругу, но теперь это выглядело разведкой. Процедура вполне вписывалась в понятия Семена о нелегальном бизнесе и даже придавала делу романтическую окраску. Не хватало разве что музыки из «Крестного отца».

Нет, на самом деле не хватало и настоящего криминального драйва. Торговля биопрепаратами из требухи атлантов считалась лишь незаконным предпринимательством и наказывалась пока далеко не так строго, как наркоторговля. Вот если ловили уже на готовых препаратах «от всех болезней», тогда в дальний путь, за мошенничество и сбыт опасных веществ. А сырьё чем-то опасным не считалось. Так что Семен больше пыжился и корчил из себя криминального дельца. Но всё могло измениться в любой момент. Барон так и говорил.

«Как только власти поймут, что это зелье реально работает, они сразу захотят прибрать бизнес к рукам. И тогда начнется самое интересное. Серьёзные сроки, облавы и преследования. Душить начнут всерьёз. И время это не за горами. Даже не в следующем году, а уже в этом всё начнётся. Это значит что? Это значит, Сёма, надо ковать железо, пока его не отняли».

Сёма доверял боссу на все сто, поэтому пытался ковать условное железо изо всех сил. Но получалось пока не очень. Для переработки сырья и изготовления препаратов хотя бы простейшего вида, вроде таблеток в оболочке, требовались специальные производственные мощности. Ну, хотя бы не мощности, а лаборатории. И такие имелись, да вот беда, все были загружены под завязку вполне легальными заказами. А подпольные цеха вовсю трудились во благо наркомафии. Оказалось, что новому направлению просто некуда приткнуться.

Барон прокачивал вопрос о строительстве собственных цехов, но инвесторам это представлялось крайне рискованным вложением. Затраты огромны, а выхлоп неизвестен. Да ещё время поджимает.

В общем, оставалось давить и продавливать место под солнцем на уже известных площадях. Сёма вышел на трех менеджеров фармкомпаний, но договориться удалось только с одним, представителем совместного с китайцами завода. Только он согласился запустить переработку в третью смену. За бешеные бабки.

Собственно, в передаче взятки и партии товара для переработки заключалась вся суть сегодняшней встречи. Фура, набитая мешками с высушенной требухой атлантов, стояла на территории неприметного склада, а пухлый пакет с новыми рублями и юанями лежал тяжким грузом у Сёмы за пазухой. «Тяжким» потому, что Пасюк едва не стонал, когда думал, какая сумма скоро уйдёт более активному, чем Сёма, прощелыге.

Ровно в назначенное время, секунда в секунду, Семен въехал на территорию склада и остановил машину рядом с фурой. Водитель и четыре бойца Сёминой бригады давно дежурили на месте. Новый партнер тоже прибыл. Не обращая внимания на дождь, он спокойно прохаживался вдоль грузовика, мыча под нос какую-то незатейливую мелодию.

Завидев Семена, он расплылся в вежливой улыбке и даже поклонился. Китайское руководство выдрессировало менеджера на свой манер.

– Пройдем в машину? – деловито начал Пасюк.

– Да, – легко согласился менеджер. – В мою или в вашу красавицу?

– В мою, – Сёме понравилась оценка его приобретения.

В машине менеджер не стал тянуть резину и сразу выложил перед Семеном накладные с копиями.

– Это бумаги на поставку. Всё легально. Вот здесь указаны номера заказов и код доступа в систему. Вы сможете отслеживать, как и на какой линии перерабатывается ваше сырьё. А это договор на переработку. По нему получите готовый продукт. После официальной оплаты услуг, конечно.

«Вот жук! – подумалось Семену. – Ещё и оплату официальную ему подавай! Ну ничего, возьмешь деньги, наш черед настанет веревки из тебя вить!»

– Ваш бонус, – Пасюк вручил менеджеру пакет с деньгами. – Удачи.

– И вам всего наилучшего! – Менеджер пожал Семену руку. – Ваша охрана больше не понадобится. Бойцы могут вызвать подозрение на проходной. Будет достаточно водителя.

– Я понимаю, – Сёма кивнул. – Но извините. Мы поступим, как планировали. Два бойца поедут в грузовике, а их друзья за вами. Так будет спокойнее всем.

– Ваш товар, ваша воля, – менеджер вздохнул. – Надеюсь, начиная со следующей сделки между нами будет больше доверия.

– Непременно!

Менеджер выскользнул под дождь и направился к своей легковушке. Пасюк махнул бойцам, и они разделились. Двое запрыгнули в кабину грузовика, а двое забрались в свою машину…

…И на этом нормальное течение бизнес-процесса завершилось. Началась полнейшая катавасия.

На территорию склада вдруг влетели два черных микроавтобуса под синими мигалками и одна легковушка, из которых посыпались автоматчики в черной униформе, бронежилетах и балаклавах. В считаные секунды они вытащили из машин всех участников сделки, бросили на грязную землю и приставили к затылкам стволы автоматов.

– Вы не имеете права, – послышалось сквозь шум дождя. – Я ведущий менеджер компании…

Окончание фразы превратилось в бульканье. Ведущего менеджера ткнули в грязь лицом. И не фигурально выражаясь, а самым натуральным образом. Примерно в таком же положении находились все, но у остальных хватило ума не выпендриваться.

«Пипец, приплыли! – пришла тоскливая мысль. – Лучше бы “утопленница” моя не завелась!»

Лежать в грязной холодной луже дело противное, но это полбеды. В мыслях у Семена промелькнул список сорванных планов на жизнь. Это удручало гораздо больше.

«Узнаю, кто навёл полицию, убью! Всё равно теперь нечего терять. Вся жизнь кувырком».

Видел Семен только грязь и ботинки стоящего рядом полицейского, поэтому ориентировался на звуки. Громыхнули, открываясь, двери фуры, и приглушенный голос доложил:

– Товар на месте.

Почти над ухом у Пасюка что-то щелкнуло, и Сема едва не обделался. Но нет, это был не щелчок оружия, открылась дверца «утопленницы».

– Документы здесь! – доложил боец.

– Пакет! – крикнул кто-то ещё издалека. – Деньги здесь.

– Не вскрывать! Неси сюда! Грузите всех! Менеджера в мою, остальных по автобусам! Ты! За руль фуры!

Боец, нависавший над Семеном, сорвался с места и побежал к грузовику. Рядом остался только тот, который достал из машины Пасюка документы. К шуму дождя примешались чавканье грязи под ногами у бойцов и шум моторов.

Странно, однако поднимать и «грузить» Семена оставшийся рядом полицейский не спешил. Машины уже начали маневрировать, чтобы выехать из тесного складского двора, когда конвоир удосужился схватить Пасюка за ворот и поставил на колени.

– Семен, очень быстро вправо и в яму под забором, – вдруг шепнул на ухо полицейский.

– Чего? – Пасюк удивленно взглянул на бойца.

Разглядеть, кто это, мешала маска, а узнать человека по голосу, когда он то орёт, то шепчет, и вовсе не представлялось возможным. Но у Пасюка всё-таки возникли кое-какие подозрения насчет личности странного полицейского. Имелся у Семена один приятель, служивший как раз в спецподразделении. Правда, занималось это подразделение отловом наркодилеров. Неужели предсказания Барона начали досрочно воплощаться в жизнь и власти плотно, на таком серьёзном уровне, занялись торговцами «атлантическим сырьём»?

– Макарон, это ты? – шепнул Сёма бойцу. – Что тут за хрень творится?

– Семен, ходу, или будет поздно, – боец подтолкнул Пасюка и отвернулся.

Семен сначала на четвереньках, а затем на полусогнутых обогнул машину и побежал к забору. Яма оказалась глубокая, полная воды, но Пасюк всё равно промок до нитки, поэтому нырнул в грязную жижу не раздумывая.

По ту сторону забора располагался натуральный лабиринт из старых гаражей. Но Семен знал здешние закоулки как свои пять пальцев. Не прошло и минуты, как он выбрался из опасной зоны и выдохнул. Таким счастливым он не чувствовал себя, наверное, ещё никогда в жизни. Да, происшествие сулило большие проблемы, но что эти проблемы по сравнению со свободой?!

Пасюк кое-как отчистил одежду и бодро потопал в сторону небольшого лесопарка. Пока не стемнеет, он собирался на всякий случай отсидеться под облетевшим, но всё равно надёжным прикрытием леса.

Когда эйфория прошла и нервная дрожь улеглась, Пасюк собрался с мыслями и прикинул план дальнейших действий. В первую очередь следовало позвонить хозяину и как-то всё объяснить.

«Почему «как-то»? – одернул себя Пасюк. – Как всё было, так и надо рассказать. Что мне скрывать? Это ведь не я навел полицию. Вот пусть Барон и вычисляет крота. Явно ведь кто-то из своих настучал. А мне просто не повезло».

Семен достал телефон и набрал номер Барона. Вообще-то Пасюку не полагалось звонить напрямую хозяину, но ситуация требовала его личного вмешательства, так что Сёма рискнул. И когда Барон ответил, Пасюк изложил ему всё подробно, в красках, не опасаясь взбучки за то, что отнимает у босса драгоценное время.

Выслушав Семена, хозяин немного помолчал, а потом задал вопрос, который не предвещал ничего хорошего.

– Ты кому сейчас звонишь? – Барон говорил медленно и спокойно.

– Вам… босс, – Пасюк невольно поёжился.

– Ты думаешь, я поверю во всю эту лажу?

– Но… так всё и было! Спросите у пацанов, если не верите. Со мной четверо были. Фома, Зелёный, Гриня и…

– Я спрашиваю у тебя, Пасюк. Где мои деньги и товар?

– Я ведь говорю… накрыли нас! Походу наркополиция. Макарон меня выручил. Отпустил под шумок.

– Макарон сейчас бухает в десяти метрах от меня, на первом этаже моего ресторана. И вся его братва там. Их командиру майора дали. И мои люди из других подразделений полиции никаких сигналов не подавали.

– Кто ж нас накрыл? ФСБ, что ли?

– Им вообще нет дела до наших промыслов, пока биосырьё не стало запрещенным товаром. Ты лучше сразу покайся, Семен. Тогда, может, выживешь.

– Не в чем мне каяться, босс!

– Хочешь сказать, что тебя развели?

– Меня?! – Семена будто кипятком окатило. – Кто меня развёл?!

– Сам посуди, ты якобы сбежал, пацанов твоих приняли, но знаешь, куда отвезли? К ближайшему отделению. Просто выкинули под крыльцом. А после твой фальшивый менеджер с липовыми полицейскими укатили в неизвестном направлении. Прихватив товар и деньги. Получается, ты лошара, Семен? Или всё-таки нет? Или ты хитрее, чем я подумал?

– Никакой я не лошара! – вырвалось у Пасюка.

– Значит, хитрован? – В голосе у босса зазвучали совсем уж нехорошие нотки. – Организовал всё и жертвой прикинулся, чтобы тебя не заподозрили. Так?

– Не при делах я!

– Не жертва и не кидала, тогда кто ты, Семен?

– Я… – глотку сдавило и Пасюк засипел. – Меня подставили. Потому и отпустили. Чтоб вы на меня подумали.

– Это понятно. Только ничего не меняет. Короче так, терпила. Деньги на сделку я выдергивал из оборота, а это неправильно. Финансы должны работать. Даю сутки. Возвращаешь деньги и стоимость товара по средней цене, так и быть, получишь пинка под зад и на этом разойдемся. Не вернешь – пущу на фарш. И больше не звони. Я всё сказал.

* * *

Трубка выскользнула из пальцев, но не потому, что Сёму парализовало от страха. Просто выронил. Мокрая ведь, да и формой как обмылок. Хотя, если честно… поэтому тоже. Вернуть такую кучу денег представлялось чем-то нереальным, вроде полёта на Марс рейсовым самолетом.

Пасюк опустил взгляд и тупо уставился на телефон. «И больше не звони». Семен без сожаления наступил на трубку, а затем несколькими ударами каблука вбил её в податливую землю. Стало чуточку легче, и для закрепления эффекта Сёма пару раз прыгнул на месте, стараясь приземляться на место гибели телефона теперь сразу двумя каблуками. Ему хотелось ещё и заорать, но спазм пока не отпустил, поэтому Пасюк лишь сипло провыл что-то нечленораздельное.

Покончив с последним напоминанием о прежней сладкой жизни, Семен поднял воротник и двинулся вглубь лесопарка. А куда ещё он мог пойти? Провести остаток жизни в лесу Пасюку не хотелось, но выхода он пока не видел. Вернуться домой и скоротать последние сутки жизни за бутылкой дорогущего коньяка? Красиво, но глупо. Удариться в бега? Поймают на сотом километре, от силы. У Барона ведь не только в криминальном мире связи, но и вся полиция в кармане. Что тогда? Действительно улететь на Марс рейсовым самолётом?

Семен придержал шаг, а затем и вовсе остановился.

«Ну, на Марс не на Марс, а насчёт полета мысль интересная».

Пасюк лихорадочно прокрутил варианты. Улететь обычным рейсом, как и уехать или уйти пешком, не получится, это ясно. А вот улететь «мокрым чартером», смешавшись

с работниками конторы, в которой у Барона нет агентуры… это вариант. Только где у него нет своих людей?

Семен неплохо ориентировался в контактах босса. Барон никогда не связывался только с тремя государственными фирмами. С военными, спасателями и чекистами. Хотя нет. Среди окружных военных какие-то люди у него на прикорме имелись. А вот в МЧС и ФСБ точно не было. Ну как точно… насколько мог судить Пасюк.

Затеряться среди бойцов невидимого фронта Семену определенно не светило, не та анкета. А вот «спастись среди спасателей»… почему бы нет? Этот финт мог и прокатить.

Дождь вдруг усилился, и холодные капли вывели Семена из задумчивости.

«Мысль вроде бы верная, значит, надо действовать, – как всегда быстро определился Пасюк. – Не подфартило здесь, поищем удачи где-нибудь в мокрых местах. Тем более к сырости уже почти привык».

Принятое решение взбодрило и настроило Семена на нужный лад. Теперь он был полон решимости биться за выживание с самим чертом, а не то что с Бароном. Оставалось добраться до какой-нибудь конторы, вербующей народ в славные ряды неисчислимых подразделений МЧС. Желательно тех, которые трудятся подальше от родных мест.

Пасюк двинулся вперед настолько энергично, что и сам не заметил, как пересек довольно большой лесопарк. Открывшийся перед ним квартал вполне мог переполошиться при виде грязного чудища из леса, но Семен учел этот момент и выбрал путь по задворкам. Помогли ему сумерки, а затем и ночная темнота. Сёма точно знал, что рядом с каждой станцией метро есть хотя бы одна вербовочная фирма, и ему оставалось найти ту, которая работает допоздна. Не растопчи Пасюк телефон, найти контору он сумел бы за минуту, но теперь, вместо отправки элементарного запроса, пришлось искать по старинке. Тупо объезжать вероятные точки и расспрашивать ночной народ.

Повезло Пасюку лишь под утро, когда он выложил непритязательному к внешнему виду пассажира, но жадному таксисту последнюю наличность. Машина остановилась рядом с большим торговым центром, и Семен обнаружил, что на первом этаже центра имеются круглосуточные заведения и магазины, а на втором – наконец-то! – несут постоянную вахту вербовщики.

Оформление документов, правда, начиналось только в восемь, но Семена приняли и определили на ночевку в какое-то кафе. Семен прокемарил в углу за столиком часа четыре, а как только пробило восемь, шагнул в новую жизнь. Теперь на самом деле новую.

К десяти утра Пасюк выглядел совсем другим человеком. Отмытым, побритым, переодетым в оранжево-синюю униформу и поставленным на все виды довольствия. Из неприятных моментов: ему пришлось расстаться с любимыми карманными мелочами, сдать тесты, отпечатки пальцев и кровь из вены на анализ. Но зато в новом облике его не узнала бы родная мама.

Оставалось дождаться последнего этапа – отправки в подразделение, но с этим вербовщики не спешили. Впрочем, и Пасюк не торопился. Ему никто не запрещал побродить напоследок по торговому центру, и он этим правом воспользовался.

Для начала Семен плотно подкрепился на выданные подъемные, а затем сделал то, о чем мечтал с момента, когда понял, что теперь почти в безопасности. Нет, разумнее было бы сделать это, очутившись по ту сторону океана, но Сему охватил неудержимый зуд. Авантюрная натура требовала праздника по случаю начала новой жизни. И обязательно чтоб с фейерверком. Иначе какой же это праздник?

Пасюк улучил момент, когда в офисе станет более-менее спокойно, и поднял трубку допотопного во всех смыслах проводного телефона.

Номер Барона Семен помнил наизусть.

– Кто? – недовольно буркнул в трубку босс.

– Я, – нахально ответил Пасюк. – Слушай сюда, морда. Разбирайся со своими проблемами сам, понял? Связи у тебя хорошие, найдёшь, кто тебя кинул и без моей помощи. А я отваливаю.

– Семен, ты маку объелся? – Барон не сумел скрыть удивления. – Ты думаешь, что бессмертный?

– Я думаю, что меня ты не достанешь! А чтобы ты даже не пытался, предупреждаю на берегу: полный список твоих контактов, выкормышей и подручных лежит в одном укромном месте, в Сети. Всю ночь составлял. Отправить его куда следует, я смогу при помощи всего одной эсэмэс. Или он автоматически уйдет по адресу, если не загляну в этот виртуальный тайник хотя бы раз в сутки. Так что лучше отвяжись, Барон!

– Ну ты, Сёма, кадр! – Босс, казалось, искренне восхитился удалью Пасюка. – То есть ты уверен, что слинял, и поэтому решил покачать права? Думаешь, форма МЧС пуленепробиваемая? Думаешь, что забился, как крыса в укромный уголок торгового центра на «Молодежной», и теперь в безопасности?

Пасюк невольно втянул голову в плечи и оглянулся. Естественно, никого он не увидел, но слова босса не оставляли сомнений, что люди Барона нашли Пасюка и следят за ним. Стрельнуть, наверное, пока не стрельнут, но…

«А что «но»? – мелькнула мысль. – Могли бы что-то сделать, уже здесь стояли бы! Нет, сюда они не сунутся. А значит, надо просто держаться в тени, пока не улечу. И не киснуть, Семен!»

– Ты что примолк, Пасюк? – Барон усмехнулся. – Крыса ты паскудная. Я тебя воспитал, приблизил, а ты хамишь и списками какими-то угрожаешь. Две цены за это вернешь. Время идёт. Сколько там осталось? Часов двенадцать? Поспеши, Сёма.

– Я всё сказал, – выпалил Семен, словно передразнивая босса. – Не отвяжешься, жди гостей в балаклавах!

– Вот чумной, – хмыкнул Барон. – Наверное, придется тебя прямо сейчас на голову укоротить. Нет человека – нет проблемы. Закуривай, Семен. Последняя будет.

Барон бросил трубку. Именно так. Пасюк был уверен. Бросил, а не положил. И нервные нотки в голосе у него промелькнули. Не злобные, а нервные. Это значило, что Барон засомневался. Не поверил Семену, а только засомневался, но и этого было достаточно.

«Всё равно не отвяжется, но ломать дров не станет, – Пасюк оглянулся и окинул взглядом широкий проход между конторами по ту сторону стеклянной стены офиса. – Торчу здесь как на ладони. Надо в служебные помещения уйти. Теперь-то мне всё можно, я ж на службе».

Семен уже почти скрылся в служебном модуле, когда вдалеке, напротив военных зазывал, вроде бы мелькнула знакомая фигура. Сначала Пасюк решил, что это кто-то из бойцов Барона, но версия быстро отпала. Мелькнувший вдалеке человек не представлял угрозы, это Сёма уловил подкоркой.

«Грач, что ли? Да не может быть! Нет, плюнуть на всё и записаться к воякам он может. Совпадения, что он приперся именно сюда, не может быть».

Пасюк помотал головой и тут же забыл о совпадении. У Семена опять появились дела и мысли поважнее.

– О, боец! Я тебя ищу, – навстречу Пасюку вырулил офицер с планшетом в руке. – Пасюк?

– Да. То есть… как там… а-а… Так точно!

– Расслабься, – офицер снисходительно хмыкнул. – Бери вещи и на выход. Вон тот мешок тебя дожидается.

– А в нем что?

– Всё, боец, что может тебе пригодиться. Не волнуйся, все вещи по размеру, имущество комплектное, собрано и уложено на совесть. Хватай, и вниз по служебной лестнице.

Прямо у выхода наши дежурки стоят. Сядешь в ту, которая в аэропорт поедет… спроси там, не забудь. Борт А-517. Запомнил?

– У машины борт?

– У самолета! Дундук! У самолета бортовой номер А-517!

– Теперь понял.

– Выполняй!..

…Проводив ироничным взглядом упитанного новобранца, офицер вошел в офис и едва не столкнулся с озадаченным доктором из вербовочной комиссии. Врач шел, уткнувшись носом в листок с данными экспресс-анализа крови. Офицер вовремя шагнул в сторону и придержал доктора за рукав.

– Вы так нос расквасите, док.

– А? – Врач оторвался от листка. – А-а! Михаил Васильевич, вы-то мне… Где я могу найти бойца… э-э… Пасюка Семена Петровича?

Врач ещё раз сверился с листком и кивнул.

– Он вам зачем?

– Видите ли… анализатор выдал интересный результат.

– Поздно, Ашот Вартанович, – офицер развел руками. – Группа уехала. Борт вылетает через три часа.

– Да? – Врач почесал залысину. – Жаль. И далеко отправятся? Я слышал, недавно расчистили аэропорт где-то в Коннектикуте?

– Да, Брэдли-аэропорт в Хартфорде. Но туда пока никто не летает. Борт пойдет к берегам Великих озер, в Сиракьюс.

– Это хорошо, что в более-менее цивильное место. Я свяжусь с коллегами из «Спас-США-Север».

– А в чем дело-то, док?

– Ничего такого, что заинтересовало бы вас, господин капитан, – врач уставился на офицера, как двоечник, спрятавший дневник. – Чисто медицинские находки. Можете считать, что у бойца… э-э… Пасюка редкая группа крови. Только и всего.

– Темните, доктор, – капитан усмехнулся. – Смотрите вроде бы такими честными армянскими глазами, а я не верю. Будь всё так безобидно, вы засунули бы эти данные… в очередную научную статью, а не звонили бы за свой счет в штат Нью-Йорк. Это, между прочим, по рублю за минуту, даже со скидкой для сотрудников. Но я сделаю вид, что верю. С вас коньяк.

– Правильно, Михаил Васильевич, сделайте такой вид, – доктор кивнул и отвел «честный» взгляд. – Будет надежнее. Коньяк – само собой.

* * *

После сытного обеда на борту самолета Семену до жути захотелось спать, поэтому лекцию вояк он пропустил почти полностью. Сон получился неглубокий, но спокойный, качественный. Пасюку снилось что-то «дневное», то есть «почти реальное». Так бывает, когда спишь в разгар дня.

По сюжету сна Сёма ходил по самолету, даже поднимался на второй этаж и якобы разговаривал с пилотами. Серьёзно так разговаривал, солидно, словно владелец этого «Джамбоджета».

К сожалению, проснулся Семен в своём кресле, а не в бизнес-классе с бокалом шампанского в руке, но настроения сей факт не испортил. Выспался Сёма преотлично. А что сон не обернулся явью… какие наши годы, как говорится. Будут ещё и шампанское, и личные

«джеты». Пасюк нутром чуял, что летит навстречу мечте. Не было бы счастья, да несчастье помогло. Откуда взялась такая уверенность, Семен не знал, но интуиции своей доверился и почти вернулся в обычное благостно-расслабленное расположение духа.

В таком «шарнирном» настроении хотелось двигаться и живо общаться, поэтому Сёма встал, сладко потянулся и двинулся по самолету в поисках жертвы для подначек. И нашел её в лице Егора Грачева! Как говорится, одно совпадение – случайность, два – закономерность. Похоже, судьба имела какие-то особые и весьма параллельные планы на обоих приятелей. Даже в мелочах всё складывалось удачно. Например, место рядом с Егоркой сейчас пустовало. Всё к одному.

– Ну ты выдал номер, Грач! – заявил Сёма, усевшись рядом с Егором. – Я ведь предлагал тебе работу. Ты решил, что здесь больше заплатят?

– Какую работу? – Егор смерил Пасюка насмешливым взглядом. – Брандспойт за тобой таскать? Ты ничего не попутал, боец?

– Ага, глумись, – Семен фыркнул. – Думаешь, я это всерьёз? Эта форма – только халявный билет и пропуск! Прилетим, я сразу в сторону! Пойдёшь со мной? У меня там связи! Дело наладим, поднимемся на раз!

– А назад как? – Егор улыбнулся. – По липовым документам не вернешься, а со своими – ты дезертиром будешь числиться.

– А за каким псом назад? Там тоже можно жить. Сколотим капитал, перевалим через Скалистые горы, обоснуемся. В Сухих штатах всё почти как раньше. Ну, экономика пожиже стала, доллар упал ниже плинтуса, но ведь самое ценное пока на месте… американская мечта там, и всё такое. Ты чего, не хочешь пожить нормально?

– Я и так нормально живу, Сёма, отвяжись.

– Да уж, Грач, – Пасюк вздохнул, – лошара ты конкретный и навсегда. Нет, я вытяну тебя из дерьма, когда разбогатею. Вместе росли, друг детства, и всё такое. Но будешь ты у меня от силы садовником. Или нет. Ты чистильщиком служил? Вот и будешь бассейн у меня на вилле чистить. Идёт?

– А пятак тебе не начистить? – Егор скептически взглянул на Сёму. – Миллионер хренов. Вали из моей песочницы, друг детства.

– Ты чего, обиделся? – Сёма довольно хрюкнул.

– Не дождешься, – Грачев взглядом указал на вспыхнувшие пиктограммы. – Похоже, сейчас снижаться начнем.

– Что, прилетели уже? – Семен удивленно вскинул брови и повертел головой. – Как одна минута!

– Уважаемые пассажиры, – донеслось по бортовой связи, – наш самолет приступил к снижению. Просьба занять свои места, застегнуть привязные ремни, привести спинки кресел в вертикальное положение, убрать столики и поднять шторки на иллюминаторах.

– Не-е, тут что-то не то, – Сёма озадаченно взглянул на часы. – Нам, по идее, ещё часа три пилить.

– А по воздуху мы уже прилетели, – Егор застегнул ремень. – Ветер попутный был. Или отчаливай, или пристегивайся.

– Ха-ха, – Пасюк скривился. – Спорнём, что проблемы какие-то? Слышишь, звук изменился? Наверное, один из движков «стуканул». Забьёмся?

– Смысл? – Егор усмехнулся. – Сядем – моя взяла, а рухнем – ничья. Ты не выиграешь в любом случае.

– Алло, гараж, – над Семой навис рыжий боец. – Это моё место.

– Да и на здоровье, в хвосте спокойнее, – Пасюк поднялся и похлопал Егора по плечу. – Слышь, Грач, забились! На штуку новыми!

– Топай! – Отмахнулся Егор. – Накаркаешь ещё!

На своё место Семен вернулся не настолько благостным. Вывести Грачева из равновесия не получилось, и этот прокол уязвил самолюбие Пасюка. Впрочем, кое-какую пользу из ситуации Семен всё равно извлёк. Сам того поначалу не заметив, он сформулировал план своих дальнейших действий. И даже набросал кое-что на отдаленную перспективу. Оставалось поднапрячься и вспомнить, какие контакты можно отыскать в пункте прибытия.

В принципе, Сёма знал – лично или через знакомых – добрую дюжину самых разных дельцов, промышляющих или живущих в окрестностях города Сиракьюс. Даже если отнять тех, кто связан с Бароном, оставались человек пять. Да вот беда, их координаты сгинули в телефоне, обломки которого Семен втоптал в сырую землю на краю московского лесопарка.

«На самом деле не такая уж проблема, вся информация есть в Облаке. Но чтобы проникнуть в Облако, требуется добраться до Сети. Значит, именно таким будет первый шаг на негостеприимной земле штата Нью-Йорк, – решил Сёма. – Нет, второй. Сначала резко ухожу в тину, а потом достаю какой-нибудь смарт, качаю из Облака контакты и обзваниваю всех знакомых. Отличный план! Осталось найти телефон…»

Неожиданно Сёмину мысль о телефоне будто бы прочитал и подхватил сосед слева. Только сделал это он как-то странно.

– Телефон, – проронил он негромко и приставил Семену к боку нож.

3
Сталин

Нельзя сказать, что Барон расстроился, выслушав Семена. Нет. Хозяин «сырьевой мафии» почти взбесился. Он так долго строил свой бизнес, с таким трудом сумел доказать американским партнерам, что все контакты следует замкнуть именно на него, вот-вот мог стать крупнейшим поставщиком «атлантического сырья» в Восточной Европе, и вдруг такой прокол! Даже два. Сначала появились какие-то залетные кидалы, а теперь ещё и Семен взбрыкнул.

Ничего страшного пока не случилось. На след гастролеров почти сразу вышли прикормленные Бароном полицейские, да и братва кое-что выяснила. Помощник Барона по безопасности заверил, что поимка аферистов, возвращение товара и денег – вопрос ближайшего времени. Особых потерь от этой истории не предвиделось. Да, часть денег придется раздать помощникам, «жаба» будет недовольна, но на репутации происшествие точно не отразится.

Другое дело, если Пасюк действительно отправит списки куда-нибудь не туда. Например, в ФСБ. Катастрофой это не станет, ведь списки – не черная бухгалтерия контрабандных поставок. Но «на карандаш» Барон попадет однозначно. А оно надо? Когда ты имеешь дело с заокеанскими партнерами, засветка перед ФСБ крайне нежелательна.

Короче говоря, вопрос с Пасюком следовало решать незамедлительно и окончательно.

Бросив трубку, Барон тут же вызвал Карпа, своего главного советника, и вкратце изложил ему суть проблемы.

– Семен не может знать много, – заметил советник.

– Он был со мной на трех встречах. И при тебе крутился. Сдаст хотя бы тех, кого знает, уже будут проблемы.

– Тогда надо его убрать.

– Ты не уловил? Он должен раз в сутки заглядывать в свой тайник… не знаю, что это за хрень… почтовый ящик, может быть… и откладывать автоматическую отправку списка ещё на двадцать четыре часа.

– И долго он будет так «заглядывать»?

– Не знаю. Может, пока не уедет достаточно далеко. Или пока я не поклянусь, что оставлю его в покое.

– Так поклянись, – Карп пожал плечами. – А потом грохнем.

– Думаешь, что говоришь?! Какая-то сявка меня шантажирует, а я всё прощаю?! Ты первый перестанешь меня уважать! Нет, Карпуха, эту крысу будем ловить, пока не выловим. А в покое его оставлю, когда выпотрошу и подвешу за ноги там, где все увидят. Я всё сказал!

Барон хлопнул по столу и почти сразу успокоился. Это означало, что решения своего он не поменяет, даже если Карп нажмет на жадность босса и докажет ему, что охота на крысу влетит в копеечку.

– Тогда… – Карп многозначительно взглянул на босса и изобразил, что закуривает трубку.

– Без вариантов, – согласился Барон. – В этом деле нужна абсолютная гарантия, а её даёт только один специалист. Зови Сталина.

* * *

Жизнь ходит по кругу. Нет, формально она идет по спирали, но расстояние между витками настолько мизерное, что нетрудно встретиться с чем-то важным с предыдущего жизненного виража. Именно по этой причине иногда неожиданно возвращаются старые друзья или, наоборот, враги, простелы в пояснице и жёны. А ещё могут вернуться потерянные вроде бы воспоминания или жизненные штампы. Например, прозвища.

Впервые своё прозвище Иосиф Веретенников получил задолго до того, как у него выросли усы или он начал курить трубку. Учился он в приличной школе, где историю преподавали с душой, а ученики не ленились. Стоило дойти до известного исторического персонажа, Веретенников мгновенно сделался Сталиным и остался им для одноклассников навсегда.

Но интересно не это. Гораздо позже, через два десятка лет, когда жизнь Иосифа круто изменилась, школьное прозвище вернулось, хотя никто из участников события не знал настоящего имени Веретенникова.

Во время одной из разборок почти всю бригаду Барона зажали в углу и почти перестреляли, как вдруг вражеский главарь куда-то исчез. Впоследствии выяснилось, что исчез он бесследно и навсегда.

Оставшись без командира, противник отступил, а рядом с Бароном откуда-то появился невзрачный усатый незнакомец, который со словами «нет человека – нет проблемы» вручил боссу личные вещи исчезнувшего главаря-конкурента.

Пока Барон негромко разговаривал с усатым, бойцы успели прийти в себя и обменяться впечатлениями. На вопрос, почему всё вдруг резко и удачно закончилось, никто ответить не сумел. Лишь кто-то проронил: «Да вон у него спросите… у того, с усами, у Сталина…»

Барон реплику услышал, ухмыльнулся и тут же пустил идею в оборот. И Веретенников не возразил. Так прозвище вернулось в жизнь Иосифа, чтобы остаться навсегда. А сам Иосиф «Сталин» Веретенников остался в бригаде Барона. Вернее, на личном контакте с боссом. Этаким освобожденным специалистом по особым поручениям.

Что оставалось человеку с таким-то прозвищем и на такой должности? Только оправдывать высокое народное доверие. Вернее, высокое доверие нанимателя, который платил Сталину за работу большие деньги.

И у него вполне получалось. Каждый «мокрый» заказ Барона выполнялся настолько искусно, что тут же превращался в легенду. Самое интересное, что Сталин не оставлял ни следов, ни трупов. Заказанный ему субъект просто исчезал, словно его никогда и не существовало. Так что завязка и развитие событий в легендах были разные (особенно ценились истории, в которых клиент узнавал, что его заказали Сталину, и пытался спрятаться), но финал всегда один. Люди просто исчезали.

Как это происходит, да ещё вне зависимости от времени суток, количества охраны и толщины стен убежища, не могли понять даже крупные специалисты по мокрым делам. Все сходились в одном: «у Сталина богатый опыт в плане диверсионной деятельности. А ещё он фокусник. Не в ироничном смысле, а в самом серьезном. Так что совершенно непонятно, почему мастер такого уровня пасется на вольных лугах, а не сидит в одной из специальных государственных контор».

Постепенно легенды создали образ брутального головореза. Косой сажени в плечах, с ледяным взглядом и с неизменной трубкой в зубах. И главное – скажет «в морг» – значит, в морг. Как отрежет.

Именно поэтому те, кто не знал Сталина в лицо, даже не догадывались, с кем обсуждают очередную легенду о загадочном киллере. Им и в голову не могло прийти, что сидя-

щий с бутылкой пива в углу лысоватый, с нелепыми усами, неопределенного возраста дядька – по виду какой-нибудь механик с автобазы – и есть легендарный дорогостоящий киллер. Курил бы он трубку, как в легендах, какое-никакое подозрение могло бы возникнуть. Но Веретенников давным-давно не курил вообще, даже по праздникам за компанию.

Хоть что-то более конкретное о Сталине знали от силы пять человек из ближнего круга Барона. Да и то в общих чертах. Лишнего Сталин не говорил, одевался просто и просторно, в полувоенном стиле, шутил в компании очень редко и только в точку, выпивал символически. На частые подколки по поводу усов обещал сбрить, если проиграет соревнование. Обычно предлагал поставить против его усов сотку новыми рублями и выбрать стрельбу или метание ножей. В обеих дисциплинах он выигрывал всегда. А вот от игр на тотализаторе или в карты обычно уклонялся.

О личной жизни Сталина никто вообще ничего не знал. Жил он где-то на съемной квартире, ездил на приличной, но неприметной машине, а питался дома, хотя иногда бывал в забегаловках для народа. Куда только тратил заработанные деньги, непонятно.

Короче, в жизни Веретенников оставался незаметнее тени. Зацепить его не могли ни свои, ни чужие. Но созданный легендами образ Сталина всё же в одной детали совпадал с реальностью. При всём своём сером виде Сталин имел ледяной взгляд и держал слово. Поэтому его уважали свои и панически боялись чужие.

И ещё один момент. Возможно, это была очередная легенда, но рассказчики ссылались на самого Барона, который как-то случайно обронил, что Сталин видел своими глазами Атлантический инцидент. С какой точки он его видел, почему выжил и почему теперь отсиживался в криминальном сумраке? Эту тайну скрывала пена Потопа.

Вот такая легендарная личность прибыла по первому зову Барона, вернее его советника, развалилась в кресле и выслушала очередное «коммерческое предложение». Необычное предложение. Хотя в целом по профилю.

– Ты хочешь, чтобы я убрал мальчишку? – уточнил Сталин, холодно глядя на босса.

– Сначала ты должен узнать, врал он насчёт списка или нет.

– Врал, – уверенно сказал Сталин. – Обычная киношная уловка.

– То, что идея из кино, ничего не значит. Даже наоборот, повышает шансы, что так всё и есть. Придумать собственную уловку в критической ситуации трудно, а вот вспомнить голливудский штамп – это запросто.

– Он сказал, что спрятал список в Сети, – проронил Веретенников задумчиво и побарабанил пальцами по подлокотнику. – Семен настолько продвинутый пользователь? Какой у него телефон?

– Не помню, – Барон пожал плечами. – Какой-то навороченный.

– Да какой там навороченный, – подал голос советник. – Огрызок допотопный. Предпоследней модификации.

– И что, этого недостаточно? – Босс адресовал вопрос скорее Иосифу.

– Этого достаточно, – Сталин прищурился. – Хорошо, будем отталкиваться от худшего варианта. Допустим, Семен не соврал. Моя задача – вытащить из него код доступа к файлу, а затем…

Он вопросительно уставился на босса.

– Как обычно, – Барон едва заметно кивнул. – Пасюк больше не нужен. Ценник максимальный. За сложность.

– Задача понятна. В чём сложность?

– Он спрятался в драфт-пойнте МЧС на «Молодежной».

– Сложность только в этом?

– Не только. Скорее всего, в течение ближайших трех часов он вылетит в Штаты.

– Значит, надо поспешить, – Сталин поднялся. – А вы сделайте так, чтобы борт вылетел с максимальным опозданием. Карп, откуда обычно уходят борта МЧС? У вас есть люди в этом аэропорту?

– Есть, – вновь ожил советник. – Всё сделаем. Но больше трех часов задержки не обещаю.

– Годится. Я на связи. Будут новости, сразу звоните…

…Веретенников не поехал в пункт вербовки. Пасюк наверняка давно покинул точку. Перехватить клиента Сталин мог только в аэропорту.

Расчет оказался верным. В зоне, выделенной для посадки на служебные чартеры, толпилось, бродило и дремало на рюкзаках великое множество народа во всевозможной униформе, но Сталин без труда нашел группу бойцов МЧС и выхватил взглядом Семена.

Подобраться к нему в толпе не составляло труда, а вот разговор «по душам» исключался. И здесь, и в зоне досмотра тоже. Оставалось подсесть к Пасюку в самолете. И это означало, что ближайшие сутки Веретенникову придется провести в пути. Сначала до Штатов, а потом обратно. И это в лучшем случае.

Перспектива не радовала. Никаких вояжей за океан Иосиф на эту неделю не планировал. Но, если кроме шуток, дело приобретало серьёзный оборот по другой причине. Не планировал прокатить Веретенникова и «Аэрофлот». В списке пассажиров чартерного рейса А-517 такая фамилия не значилась. И эту проблему следовало срочно решать.

«Спокойно, – приказал себе Иосиф. – Время есть. Смотри, слушай, соображай. Решение придет само».

Как и обещал советник босса, рейс задерживался на три часа. Что-то там якобы напутали с развесовкой груза, пришлось исправлять. Но посадку всё равно объявили, и первая группа новобранцев уже почти исчезла в зоне досмотра. Правда, это были не спасатели, а военные.

То, что военных и спасателей перебрасывают не армейским бортом и не самолетом МЧС, а совместным чартером, показалось Сталину моментом интересным, но особого удивления он всё-таки не вызвал. Ведомства экономили и старались комбинировать, а крупные авиакомпании охотно шли навстречу. Госконтракты прилично оплачивались и бонусом гарантировали бесперебойные поставки топлива для всех прочих рейсов компании. Похорошему, к этим двум группам следовало пристегнуть ещё какую-нибудь. Самолет вылетал вместительный, «семьсот сорок седьмой», он брал на борт больше пятисот пассажиров, а военных и спасателей Сталин насчитал примерно по две сотни.

Веретенников прогулялся в толпе и вскоре выяснил, что не ошибся. На тот же борт А-517 собирались подняться ещё около ста человек. Бойцы частной охранной фирмы с цифрой «7» вместо названия. «Смотрители болот», как зачастую их называли за океаном. Между собой охранники пока общались мало, поскольку впервые друг друга видели, но кое-какие разговоры Веретенников подслушал и на ус информацию намотал.

Борт действительно вылетал за океан, предположительно в штат Нью-Йорк. Какие задачи собирались там решать военные и спасатели – неизвестно, а вот охранникам выдали брошюрки-инструкции по работе на опасных в химическом плане объектах. И в снаряжении у каждого имелись противогазы и костюмы химзащиты. Половина охранников от такой перспективы морщилась и ворчала, но не более того. Другая половина роптала заметно громче, а несколько кадров вовсе собирались развернуться и уйти. Во всяком случае, так они говорили.

Внимание Сталина привлек мужчина лет тридцати пяти, примерно такого же телосложения и невзрачного вида, как и сам Веретенников. Он не ворчал и не митинговал, но так тоскливо смотрел на табло, что не оставалось сомнений – записался в охранники этот кадр

с бодуна. Теперь же осознал свою ошибку и мучительно придумывал, как ему выкрутиться, пока не поздно.

Сталин протиснулся к охраннику, встал рядом и придал лицу слегка завистливое выражение.

– Везет вам, работу хорошую получили, – Сталин вздохнул.

– Чего? – Охранник перевел мутный взгляд на Веретенникова.

– Говорю, я тоже улетел бы сейчас куда-нибудь… да вот опоздал, – Сталин ещё раз вполне убедительно вздохнул и взглядом указал на табло. – Повезло тебе.

– Повезло, – охранник хмыкнул. – Как яйца снесло. Думал-то, в Германию отправят. А то и вообще в Польшу. А тут… в самую задницу. Да ещё химзавод охранять. Прямо на болотах. Там этих… сука… живоглотов кругом, что пиявок, так ещё и химия разлита. Не сожрут, так потравимся. «Везение» – не вышептать какое!

– Так ты разорви контракт, – Сталин пожал плечами.

– А кто будет аванс возвращать, ты? – Охранник поморщился. – Если б так, я бы… ага. Только я уже перегнал денежки куда следует. Вернуть не получится.

– То есть на служебной карточке их нет? – Веретенников перешел на деловую волну. – Идем.

– Куда? – Охранник насторожился.

– В сортир.

– Это зачем?

– Махнемся одеждой, ты отдашь мне жетон, карточку и пароль от неё. А я тебе свой паспорт. Вернусь, махнемся обратно.

– Ты чего, серьёзно? – Охранник воровато оглянулся. – Зачем тебе? Нет, заработки-то ничего, приличные, только… опасно ведь.

– Нормально, – отмахнулся Сталин. – Ты идёшь? Другого шанса не будет.

– Иду, – сориентировался наконец охранник. – Выручил, земляк! Не забуду!

– Паспорт не забудь вернуть, остальное фигня.

– Это само собой! – Охранник слегка засуетился. – Только тебе… это… усы надо сбрить. Карточки у нас с фотками. Так-то сойдёшь за меня, но это если без усов. Я сейчас бритву из баула достану, погоди.

– Стой, – Веретенников ухватил охранника за рукав. – Не привлекай внимания. Разберемся. Топай за мной…

…Сбривать усы ножом, используя вместо пены гель для мытья рук – то ещё удовольствие, но Сталин справился с задачей за две минуты и порезался всего-то один раз. Гель попался какой-то особо едкий, ранка ещё долго саднила, но Веретенников заклеил порез бумажкой и забыл о нем. Охранник тоже оказался расторопным малым и переоделся быстро. Напоследок оба встали перед зеркалом и почти синхронно ухмыльнулись. Если не присматриваться, вычислить подмену не сумел бы никто.

– Удачи, земляк, – охранник расчувствовался и едва не полез обниматься. – Паспорт-то…

– Я передумал, себе оставлю, – Веретенников спрятал нож и документы в карман.

– А-а, ну как хочешь, – охранник кивнул. – Мне он ни к чему на самом-то деле. Как звать-то, хоть скажешь?

– Свечку за меня поставишь? – Сталин усмехнулся. – Посиди здесь часок, для надежности. Уезжай на такси, не жмоться. Пока идёшь к стоянке, оставайся в капюшоне. Всё понял?

– Это чтоб на тебя походить? – Охранник деловито кивнул. – Понятно. Спектакль значит спектакль, играем до конца.

– Правильно понял… – Сталин заглянул в карточку охранника. – Захаров Сергей Васильевич. Будь здоров.

– Прощай, земляк, – охранник торопливо юркнул в кабинку и уже оттуда добавил: – Ни пуха ни пера!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.